

ТОСКА ПО ЖИЗНИ

Двадцать лет тому назад русская поэзия разделялась на поэзию эстетическую и гражданскую. Что значит первое, что – значит «чистое искусство» – это неясно сознавалось, как всегда в этом труднейшем вопросе, и поэзия эстетическая определялась признаками больше отрицательными – как искусство,¹ *не* зависящее от жизни, от злобы дня – и чуть ли не как *бессодержательное*; а гражданская обозначалась просто и определенно и живым знаком этой поэзии был в общем сознании Некрасов, – тогда как, первая связывалась с именами Тютчева и Фета. Это подразделение было политического происхождения – пережитком старого спора, уже тогда безжизненного: поэзия уже тогда топала в сферу вращения и притяжения того светила, которое характеризует весь XIX век (не менее чем развитие его промышленности и техники) – философии – с тем кольцом вокруг неё, которое едва ли есть только мираж, но как у Сатурна – окружает и сопутствует философии неизбежно, будучи той же природы: это мистика. С тех пор как поэзия была притянута силой притяжения к философии она стала вращаться вместе с ней. Поэзия стала вообще философской, – и в этом основной характер русского лиризма последних лет; отсюда культ Тютчева и Баратынского, поэтов исключительных по своей отвлеченной идейности. Отвлеченной была и лирика Фета, но она стала такой на старости поэта, тоже у Полонского; у Майкова была всегда склонность к идейности, но он всегда и казался поэтом рассудочным, также, как и Алексей Толстой. А Пушкин, а Лермонтов? Философия их поэзии заключается в самих образах и отвлекается только при помощи внимательного анализа – даже у Лермонтова, идейностью которого увлекались! Потому что самые глубокомысленные стихотворения старых поэтов не были отколоты от вещественности их содержания и происхождения, т. е. обыденности переживаний. Их идейность не была обнаженной: она сама *испарялась*, как пар от живого теплого тела и только временами – слишком долго задержанная в холодном воздухе чистой мысли – она становилась слишком *густой* – откровенно идейной. Этим объясняется естественная необходимость и развитие критики для поэзии прежних лет; поэзия современная есть сама над собой критика. Современный поэт обнаженно идеен, про него уж не скажешь, что он не ведает, что творит: он всегда может объяснить, что им сказано; он, собственно,² не нуждается в критике, как в способе отвлечения от поэтического организма – заключающегося в нем смысла. Вот почему поэты все более любят причислять себя к школам, направлениям: это следствие именно их сознательности.

¹ Первоначально: поэзии.

² Первоначально было: прямо.

Школы³ все учащаются, и публика к этому привыкла и тоже гонится за измами – и уже не просто читает стихи, а соображает, к какому «изму» они относятся. Смена школ участилась в последние дни до того, что некоторые из них не стесняются продолжать свое существование – не более одного года. В такой погоне поэтов за школами и кличками можно было бы заподозрить – и тщеславие, и корыстолюбие, и карьеризм и многое другое мелкое и дурное, и просто – внутреннее бессилие – но не вернее ли видеть в этом тот же «дух времени», который Шиллер – еще в позапрошлом веке отметил делением поэзии на «наивную и сентиментальную»? «Наивность» поэзии утрачена и утрачивается, она становится все более сознаваемой, самоощущаемой, самокритикуемой («сентиментальной»). И если в первой половине только что минувшего века у нас были выразители непосредственных поэтических переживаний, то с той минуты, когда поэзия «притянулась» философией – она стала или прямо отвлеченной или же, по реакции, начала⁴ стремиться к крайнему противоположному полюсу – к полной иррациональности, наконец – в усталости от отвлеченного или в невозможности достигнуть действительной иррациональности – выражала тоску по⁵ жизни, судорожно тянулась к светилу реальной жизни, к темам как можно более конкретным.

Философствующий характер, принятый поэзией в последние годы – и привел ее к тому, что названо было символизмом. Предъявить поэзии символические требования – значило выставить требования⁶ не идейности вообще, но именно отвлеченности, потому что символизм по самому общему своему смыслу – и есть восприятие явлений, не как только данных, но всегда указующих и на *иное*. («Aller regängliche ist nur ein Gleichnis...»⁷) Символист не интересовался фактом, как фактом, он не хотел и уходить от факта, как уходили романтики, но он – говоря грубо, всегда отвлеченничал над фактом. Здесь⁸ его и сила, и слабость: сила в том, что явления осмысливались, каждое явление представлялось не только времененным, но и вечным, и это было философично, и стало быть, глубоко, но в то же время от такого постоянного искания за времененным вечного, в случайном неслучайного – терялось непосредственное ощущение жизни. Многотомная поэзия Бальмента, одного из начинателей нашего символизма – отражает весь этот процесс современного лиризма – со всем его происхождением и во всем его развитии – и очень доступно, иногда слишком доступно, в ущерб поэзии – даже до тривиальности. Можно легко проследить⁹ – как поэт начал свое отношение к природе и жизни с трансцендентной мечтательности, символизированной

³ Вычеркнуто: Эти...

⁴ Выеркнуто: стала

⁵ Первоначально: конкретному...

⁶ Вычеркнуто: напряженной идейности

⁷ «Все преходящее – всего лишь подобие...», *нем.*

⁸ Вычеркнуто: была.

⁹ Вычеркнуто: (тем более, что Бальмонт характерно – не только поэт, но и сам себе критик)

словами – «Северное небо»; как он в «тишине», когда умолкают слишком шумные для мечтателя голоса мира, хотел услышать – или почувствовать «безбрежность». Это – притяжение философского светила – с мистическим кольцом вокруг. Чем же кончилась эта мечтательная тяга? «...Я устал от нежных слов, от восторгов этих цельных... Я хочу порвать лазурь успокоенность мечтаний, я хочу горящих зданий, я хочу кричащих бурь!...». Истерическим криком¹⁰ в сторону жизни – от стремлений высь, которые представились поэту слишком покойным, так как живая душа в мире отвлечений, создаваемых ею над собою, замирает, успокаивается. И вот поэт говорит о «горящих зданиях» – это горение страстей, всех, без разбора, без морали – крайний полюс, противоположный мечтательности. Насколько глубоко пережито было это сгорание, также как насколько глубоко душа поэта проникалась до того – отвлечеными устремлениями, судить сейчас не буду. Пусть и полет в безбрежность и горение страстей – была одна истерика, или даже одна поэтическая риторика – во всяком случае все здесь было необыкновенно характерно для времени. Но еще характернее – был новый крик притяжения к реальному, раздавшийся вслед за этим признанием страстей. «Будем как солнце!» И слова самоубеждения, предшествующие ему: «я в этот мир пришел, чтобы видеть солнце!...»¹¹ Пример Бальмонта очень выразителен, так как он¹² отнюдь не философ по природе; в стихах обращенных к нему Брюсов прямо противопоставил его другим современникам в этом смысле: «мы пророки – ты поэт!». Пророки ли другие или нет – но Бальмонт, несомненно, поэт, если вообще может быть в этом вопросе критерии. Потому что, если у него можно отрицать непосредственное чувство, то нельзя отрицать поэзии в его мировоззрении, в его, по крайней мере – умственном восприятии мира. И вот это то мировосприятие, по содержанию своему – поэтическое, у такого по природе своей совершенно не философского ума – выражается чаще всего в форме *рассуждения*: поэт не просто передает свои впечатления, даже не просто высказывает¹³ возбужденные в нем в связи с ними – мысли, как это было у прежних поэтов – но, неизменно мысля образами, – он впадает при этом почти неизменно в диалектику: он убеждает себя, убеждает читателя, – становясь мистичным, он слагает не молитвы, но доказывает Богу.

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому.
Будем лишь помнить, что к вечно-иному
К новому, к сильному, к добруму, к злому –
Ярко стремимся мы во сне золотом.
Будем молиться всегда не земному
В нашем хотенье земном!

¹⁰ Предложение начиналось с вычеркнутой фразы: Это уже...

¹¹ Далее вычеркнуто: Пример / Крик аргументировался

¹² Было: Бальмонт может...

¹³ Было: передает

Эта знаменитая формула – рассуждение и поучение на тему – и на какую! Самую данную, вне доказательств, не доказуемую. – Так диалектически отказывалась современная душа от одного мировоззрения в пользу другого. Или эти стихи – программа, и потому поучительная – как всякий завет?

Нет, каждое стихотворение Бальмонта что-нибудь исповедовало или проповедовало. Лучшие пьесы того времени, когда поэт убеждал себя и читателей, что надо «быть как солнце» – и что «литургия красоты есть, была и быть должна» – были именно убеждениями – доказательствами, силлогизмами. Разве, например, это – не две посылки и вывод: первая –

Быть может, вся природа – мозаика цветов?
Быть может, вся природа – различность голосов?
Быть может, вся природа – лишь числа и черты?
Быть может, вся природа – желанье красоты?

Вторая:

У мысли нет орудья измерить глубину,
Нет сил, чтобы замедлить бегущую весну¹⁴
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью: стой!
Разбив оковы мысли быть скованным мечтой

И заключение¹⁵:

Тогда нам вдруг понятна стозвучность голосов,
Мы видим все богатство и музыку цветов,
А если и мечтою не смерить глубину, – а
Мечтою в самых безднах мы создаем весну.

В сборнике стихов с подзаголовком «стихийные гимны» – мы читаем силлогизм за силлогизмом – один убедительнее другого.¹⁶

Бальмонт из самых непосредственных и, если он таков, то такова непосредственность большинства – И то, что у него бывало «стихийным», то у других – более философских по свойствам их ума – становилось надуманным. Я не сравниваю ни качественно, ни количественно – сейчас ничьих талант, но про всех, без исключения, поэтов последнего двадцатилетия – можно сказать, что они никогда не достигали, выражаясь – словом Шиллера – наивности. Их усилия к наивности – навсегда остались

¹⁴ Вычеркнуто: волну

¹⁵ Первоначально: Поэт убедил себя – и заключает Убедив себя поэт

¹⁶ Далее вычеркнуто: из области естествознания: «Зародыш в малом ведь есть малое полное растение, в нем корень, стебель, листья возможно различить. Едва заметно семя, но жажда наслажденья – зеленую из мрака исторгает к свету нить...» Здесь только несколько оборотов спасают стихотворение от прозы,

усилиями, потому что это были усилия, а не наивность. И в этом их трагизм. Усиленно и, по-моему, беспомощно наивен Брюсов, там, где он этого хотел бы, несмотря на то что он также, как Бальмонт – по природе не философ, и вовсе не рассудочен.¹⁷ Речь о Брюсове сложнее – так как Брюсов не так «открыт» как Бальмонт, – но коротко говоря: в поэтической личности его самое важное – это чувственность, как у Бальмонта – разгул, но как Бальмонт рассуждает на мятежные темы, так и Брюсов, при всем своем стилистическом мастерстве, не находит жизненных звуков для своего лирического существа: он не впадает в диалектику, как Бальмонт, но зато он или *описывает* или говорит *по поводу* томлений своего темперамента.¹⁸ Но самым типичным¹⁹ явлением для понимания современной лирики – представляется мне, каким он и был на самом деле в последние годы – это Вячеслав Иванов.

На его примере не надо было бы и никаких подтверждений философичности его о поэзии, так как в нем мы имеем дело с природой философской: его стихи – философия²⁰, как у Баратынского; и в этом явном своем значении²¹ – какова бы ни была опять таки их художественная ценность – они имеют право быть, как явление исключительное. Вяч. Иванов имел влияние²² и как стилист,²³ и как теоретик поэзии – кажется – более чем философ, и в этом вся суть. По своему теоретическому исповеданию, отраженному в форме его стихов – он отвергает власть музыкальности над «словесностью» – он культивирует слово. Эта домашняя реакция – в стенах самого символизма – против культа музыки у ранних декадентов, против увлечения иррациональным – реакция стилистическая²⁴; по своим общим²⁵ взглядам поэт проповедовал идеи «мифотворческую»²⁶ – то же реакция против декадентского «неприятия мира». Все это стало целой школой. Не было²⁷ начинающего слагать стихи поэта, в течение последних десяти лет, который не шел бы за благословением к Вяч. Иванову. Если первое десятилетие принадлежало преимущественно²⁸ влиянию Бальмента, на манеру и дух стихов наших поэтов, то второе – сознательно и, бесспорно, Вяч. Иванову – никто не стал таким «академическим» центром, как он – никто не создал школы²⁹ – и никто не был так мало по существу своему поэтом, как он. И влияли не только его советы, его ум, его знанья – но и его

¹⁷ Далее вычеркнуто: Эта тема слишком сложна – о Брюсове надо было бы говорить подробнее, так как он менее открыт чем Бальмонт

¹⁸ Вычеркнуто: но не выражает их прямо.

¹⁹ Было: убедительным.

²⁰ Вычеркнуто: в стихах

²¹ Вычеркнуто: смысле.

²² Далее вычеркнуто: именно

²³ Было: поэт.

²⁴ Вычеркнуто: та же тяга к жизни

²⁵ Вычеркнуто: философским.

²⁶ Далее вычеркнуто: то же философская

²⁷ Далее вычеркнуто: молодого поэта

²⁸ Далее вычеркнуто: но безсознательно

²⁹ Вычеркнуто: (не создал и Бальмонт, несмотря на свое огромное влияние)

стихи, которые одно время³⁰ стали для молодых поэтов едва ли не критерием. У нас до этого не было еще случая такого центрального влияния одного поэта на других...

Но «домашняя реакция» – оказалась слишком слабой. И когда в этом году несколько молодых поэтов, им же воспитанных, объявили себя новой школой (Городецкий и др.) – они, отказываясь как раз от Вяч. Иванова, объявляя борьбу с господством его поэзии и даже его авторитетом, – говорили что они борются с отвлеченным направлением поэзии – во имя «нового Адама» – или просто, живого человека. И когда в прошлом году некоторые кружки, начиная с Брюсова, ухватились за нового Кольцова – Клюева – в этом выразилось то же искание живого человека. И³¹ когда в течение последних лет, наряду с авторитетом Вяч. Иванова – господствовал культ, иррациональной, и может быть, наиболее непосредственной, поэзии Блока, это была та же несознаваемая тоска по живой поэзии; и не она ли сказалась в недавнем увлечении – народничеством Городецкого? И когда теперь перед нами только что вышедшая книжка стихов Игоря Северянина, с восторженным предисловием Сологуба – им же вероятно и названная так выразительно – «Громокипящий кубок» – разве все это не то же искание – не та же тоска, со стороны тех, кто, сам про себя, говорили, что их «усталость – выше гор»?

На самом деле – безнадежно ли притянулась поэзия к философии – обреченная на рассуждения, а не на «песни»? и нет ей из этого спасения? Или это ей свойственная сфера – и не надо ее призывать назад? Может ли и должна ли поэзия снова стать непосредственным выражением впечатлительности поэта – или ей суждена, уже ничем неодолимая, сознательность? Вот каким вопросом заменяется теперь старый спор между поэзией эстетической и гражданской; никто не отрицает больше гражданских тем в самой чистейшей поэзии (например – Брюсов), но можем ли мы ждать разлива поэтической стихии вне берегов философских? Вот вопрос, который должен занимать теперь критику. Многие явления нашей сегодняшней поэзии его ставят: умерла поэзия живая или не умерла? Не – в гражданственности (она слишком легко подчиняется поэтизации)! – но в диалектике – силе чисто умственной?

Молодые поэты, отделившиеся в этом году от Вяч. Иванова («акмеисты»)³², (если они себя еще так называют) заявили, что поэзия заскучала в несвойственной ей области трансце³³дентного, что ее пора вернуть на землю. Беспристрастный читатель ответил бы им: пишите – как хотите и что хотите, но дайте нам поэзию живую, не засущенную в книгах, не запыленную в комнатах, не охлажденную в самих умах! Бунт против³³ символизма можно было рассматривать – как новые поиски того

³⁰ Далее вычеркнуто: (правда очень ненадолго)

³¹ Предложение начиналось: – сам Брюсов

³² Вычеркнуто: заявили, что поэзия

³³ Было: Вяч. Иванова

поэтического жемчуга, который философ-поэт в своих стихах только обещал, которым клялся, к которому звал, но которого сам не показал, так как он сам им хотел владеть, – и не владел. Я уже упомянул только что: в первых своих песнях Городецкий, его ученик и теперь отступник, блеснул этим не прирожденным его учителю жемчугом: многие были тогда увлечены этими песнями («Ярь») – многим показалось, что жемчуг найден, что источник брызнул. И Гумилев, объявивший теперь вместе с Городецким новое движение (в первых своих стихах проявил дар смелой и красочной стихотворной речи – хотя и не вполне самостоятельной, – отчего было бы не ждать от них поэзии живой? Пусть были талантливы их учителя: и Бальмонт, и Брюсов, и Белый, и Вяч. Иванов и З. Гиппиус, и Сологуб – но, может быть, действительно в них был роковой порок, раз их поэтические «тела» попали в сферу притяжения философской мысли и были скованы ее силой? – Вон – из этой тяги – на свободу, на свежий воздух – на путь поэзии жизненной!.. И что же? Заявившие в январской книжке «Аполлона» горделиво и не без задора – о своем новом направлении – молодые поэты напечатали в мартовском номере свои стихи «для иллюстрации – до некоторой степени»³⁴ – их стремлений; некоторые из них издали и отдельные сборники, – и надо думать, что сами поэты – переживают теперь чувство того же разочарования, как и читатели. Дело не в талантливости: наверное, есть дарования (не считая уже Городецкого и Гумилева) – и у Ахматовой, и у Зенкевича и у Мандельштама... Но они остались еще беспомощнее в том же круге – того же³⁵ притяжения к отвлеченности: «неведомый и девственный родник простых и сладких звуков полный» – не брызнул! Более того – стихи Гумилева лучше сделаны, чем прежние, но безжизненнее прежних, Городецкого – ультрапрограмм³⁶ны, Ахматовой – лиричны, но «темны и вялы» – и очень похожи на романтику Блока³⁷; стихи Зенкевича абстрактнее самого Вяч. Иванова, Мандельштама – стилизация в манере Брюсова; Нарбута – неясны³⁸ – и даже неумелы... Но ни у кого – решительно ни у кого из них не поет та вода живая, не горит³⁹ тот живой огонь, которого они так ждали от самих себя.

Если судить не по этим программным стихам, в Аполлоне, но по собственным сборникам, то впечатление остается тоже. Юноши, примкнувшие к Городецкому и Гумилеву – владея хорошо стихом, сами того, вероятно, не зная (иначе бы они отказались от своих заявлений) – выражают не доброе и радостное «приятие мира» – но внутреннюю утомленность жизнью, и скуку бытия, и все по прежнему – в той же форме *рассуждений*, а не новых песен, как пели в разных тонах – старые поэты: и Некрасов, и Фет.

³⁴ Далее вычеркнуто: как сказано в примечании,

³⁵ Вычеркнуто: идейного

³⁶ Далее зачеркнуто: или З. Гиппиус

³⁷ Зачеркнуто: бледны

³⁸ Зачеркнутые варианты: светит шумит

И в этом их искренность, – сознаваемая или нет? – в этом они беспомощны, но в этом они и правы, потому что это скучает современная душа.³⁹

Живой поэзии они не родили – но они живы, поскольку они тоскуют.

Так – не только поза утомленности в этих стихах, сложенных в «кабаре». –

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам...
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам
.....
О как сердце мое тоскует,
Не смертного ль часа жду?
(Ахматова в «Аполлоне»)

Или у Мандельштама (сборник «Камень», изд. Акмэ) –

Скудный луч холодной мерою
Сеет свет в старом лесу, -
Я печаль, как птицу серую
В сердце медленном несу.
Что мне делать с птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла...

Да – «что делать?» – «с птицей раненой»? с раненным сердцем, с печалью в сердце?

Чем он виновен, что он видит в свете звезд «ненавистное однообразие», что «глядя на луну – видим не луну, а светлый циферблат». Чем виновен – если он действительно чувствует «непобедимый страх в присутствии таинственных высот»? – Это он сам спрашивает – чем он виновен – и что ему делать? И сам так определяет положение не только свое, но и своих современников и⁴⁰ здесь поза только в тоне – слишком покойном для внутреннего – и собственно ужасного смысла самого явления:

...И думал я витийствовать не надо,
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любим рая, не боимся ада,
И в полдень матовый горим как свечи.

Так разрешился порыв современной души: будем как солнце! Значит – недаром он был так диалектичен!

Владимир Гиппиус.

³⁹ Вычеркнуто: если она душа живая!

⁴⁰ Далее вычеркнуто: это тоже не просто поза, - хотя и произносится с каким то / это только

